

УДК 316.334.3

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В. А. СМИРНОВ

Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

В. В. ГРУЗДЕВ

Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

Для цитирования:

Смирнов В. А., Груздев В. В. Семейная политика российского государства в условиях больших вызовов: основные проблемы и противоречия // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13, № 1. С. 71–88. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88.

Введение: демографический переход является одним из важнейших больших вызовов и требует от государства выработки эффективной социальной политики, способной нивелировать негативные эффекты и деструктивные гибридные воздействия.

Цель: выявление особенностей трансформации дискурсивного и практического сознания жителей России относительно института семьи и близких отношений, выявление основных проблем и противоречий государственной семейной политики России, оценка ее соответствия трендам развития современных обществ.

Методы: формально-логический, сравнительный, анализ вторичных данных, контент-анализ, факторный анализ.

Результаты: выделены отдельные направления трансформации семейности, проанализированы основные дискурсивные и практические аспекты государственной семейной политики, выявлены ее ключевые дисфункции.

Выводы: жизнестойкость семьи как социального института существенно не изменились за последние 20 лет. Однако снижается числа россиян, готовых оправдать аборт и, наоборот, увеличивается число тех, кто готов оправдать развод. Семейность сегодня по-прежнему конструируется как институт социального контроля и воспроизводства жестких гендерных ролей. Более того, в последние десятилетия в отдельных сегментах российского общества обозначился возврат к традиционным консервативным моделям близких отношений.

Государственная семейная политика не в состоянии нивелировать негативные последствия больших вызовов и нуждается в переосмыслении. Ее ключевой дисфункцией является ригидность дискурсивных и социальных практик, попытка игнорировать реальные изменения, которые переживают сегодня близкие отношения. Кроме того, семейная политика слабо интегрирована с другими направлениями государственной политики: отсутствуют единые методологические и методические подходы к развитию человека на протяжении всей его жизни.

Ключевые слова: институт семьи; государственная семейная политика; дисфункции; большие вызовы

ВВЕДЕНИЕ

Мир сегодня сталкивается с целым рядом глобальных угроз техногенного и антропогенного характера, все они, в той или иной мере, оказывают влияние на трансформацию социальной структуры современных обществ,

приводя к изменениям социальных норм и ценностей, институтов и сообществ, повседневной жизни людей (Иванов, 2019; Владимиров, 2014), а также к попыткам переосмыслить механизмы управления обществами как на глобальном, так и на локальном уровне (Шабров, 2019). Именно это обстоятельство приводит к возникновению и активному воспроизводству в последние годы дискурса «больших вызовов» как необходимого адекватного ответа на глобальные угрозы.

Одним из важнейших больших вызовов является демографический переход, последствиями которого становятся изменение жизненных стилей людей, старение населения в развитых странах и увеличение доли молодежи в развивающихся, угроза продовольственных и энергетических кризисов и др. (Акаев и Акаева, 2011, с. 44).

Адекватность и эффективность ответа на большие вызовы зависит как от государственной политики, так и жизнеспособности традиционных социальных институтов, прежде всего, семьи. Демографический переход является одновременно и причиной, и следствием трансформации семейности, появления большого числа дискурсивных и практических экспериментов в этой сфере и обуславливает поиск политических, социальных и управленческих механизмов, способных гибко и адаптивно осуществлять «настройку» современного института семьи, учитывая, с одной стороны, те трансформации, которые он переживает, с другой – осознавая необходимость преодоления демографического перехода и воспроизводства российского общества в целом.

В рамках настоящей статьи мы проанализируем особенности трансформации дискурсивного и практического сознания жителей России относительно института семьи и близких отношений, а также выясним, насколько эффективной является государственная семейная политика.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт больших вызовов проникает в общественно-политический дискурс с середины прошлого века (Kaldewey, 2018; Ulnicane, 2016; Mertens and Barbian, 2015). Д. Колдвей отмечает два дискурсивных сдвига относительно больших вызовов: во-первых, в научном поле слово «проблемы» все чаще заменяется на «вызовы», во-вторых, поскольку дискурс о больших вызовах уходит корнями в сферу соревнований, он привносит новый специфический набор социальных ценностей и практик в сферы науки и технологий. Это демонстрирует тенденцию изменения отношения к тому, что является проблемным, а также характеризует развитие науки, которое способствует самообилизации и в конечном итоге самооптимизации участвующих ученых, инженеров и политиков (Kaldewey, 2018, p. 161).

Сегодня большие вызовы стали частью национальных повесток практически всех государств, включая Россию. В президентском указе 2016 года «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» они определяются как «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых

таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов»¹. Наряду с прочими большими вызовами, наиболее значимыми с точки зрения научно-технологического развития государства, назван демографический переход, «обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, и связанное с этим старение населения, что в совокупности приводит к новым социальным и медицинским проблемам, в том числе к росту угроз глобальных пандемий, увеличению риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций»².

Демографический переход как причина и следствие трансформации семейности приводит к возникновению новых образцов близких отношений, вступающих в противоречие с моделью классической нуклеарной семьи (Крашенинников и Бадулина, 2020; Кудрявцева и Бурлаченко, 2018; Лафитский, 2021; Щелкин, 2019; Романовская, 2020; Шульга, 2019).

Е. Г. Петрова и М. И. Кадничанская выделяют ряд способствующих этому факторов: вестернизация системы ценностей, трансформация экономического уклада, свобода нравов, проявления индивидуализма; гендерная асимметрия, перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной и т. д. (Петрова и Кадничанская, 2015, с. 193).

В настоящей статье мы выделим отдельные направления изменения дискурсивного и практического сознания россиян, проанализировав, во-первых, некоторые системообразующие концепты семейности, а во-вторых, затронув тему возникновения и воспроизводства различного рода социальных практик, изменяющих структуру и динамику близких и семейных отношений.

Процессы трансформации дискурса семейности анализируются нами посредством трех индикаторов:

- жизнестойкость семьи как социального института в современных условиях. Данный индикатор операционализируется через анализ диспозиций относительно таких явлений, как аборт и развод. Неспособность пары сохранять отношения в сложной жизненной ситуации (развод) и прерывание естественного процесса межпоколенческого воспроизводства (аборт) свидетельствуют о ее «хрупкости», невозможности противостоять не только «большим», но и повседневным вызовам;

- особенности воспроизводства традиционных гендерных ролей. В данном случае важно оценить, что происходит с восприятием ролей на уровне дискурсивного сознания, имеются ли попытки совладать с большими вызовами современности через их актуализацию или же, наоборот, отрицать как рудиментарные;

- ценностные ориентации, структурирующие близкие отношения. В рамках настоящего исследования проанализируем их через оценку тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо прививать детям.

В качестве информационной базы анализа трансформации семейности использованы результаты лонгитюдного мирового исследования жизненных

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 02.02.2021).

² Там же.

ценностей населения и их влияния на социальную и политическую жизнь *World Values Survey*³. База данных исследования содержит информацию пяти волн опросов населения 87 стран с 1981 по 2007 год. Для решения задач, поставленных в статье, использовались результаты третьей (1995–1998 годы) и шестой (2010–2014 годы) волн исследования, что позволило проследить динамику социальных процессов за более чем десятилетний период.

Кроме того, анализируем основные дискурсивные и практические аспекты государственной семейной политики российского государства. В качестве информационной базы мы использовали основной нормативный правовой акт в этой сфере – Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁴. А в качестве инструмента – концепт непреднамеренных последствий внешне конструктивных действий, который позволяет сделать прогнозы о результатах той или иной деятельности (Мертон и др., 2009).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Жизнестойкость семьи и динамика восприятия разводов и аборт

Участникам исследования *World Values Survey* был задан вопрос: в какой степени они готовы оправдать развод и аборт. Так, аборт в 1995 году были готовы оправдать 66,7 % респондентов, в 2014 году – 56,1 %. Развод в 90-е годы прошлого века оправдывался 72,9 % опрошенных россиян, в начале XXI века таких респондентов стало 76,9 %. Аборты по-разному оцениваются мужчинами и женщинами, при этом женщины оправдывают явление чаще, чем мужчины, независимо от волны исследования. Вероятно, это связано с тем, что женщина в ситуации разрыва отношений не готова к воспитанию ребенка одна.

Можно наблюдать рост неодобрения указанных явлений среди «семейных» респондентов. Так, например, процент «семейных» россиян, одобряющих аборт в 90-е годы, составлял 58 %, в 2000-е он сократился до 27 %, количество респондентов, живущих в зарегистрированном браке и одобряющих развод, составлял 51,5 и 30,7 % соответственно.

В целом можно констатировать, что оценка респондентами данных явлений, а значит и «хрупкость» семьи как социального института существенно не изменились за прошедшие десятилетия. Тем не менее наблюдается снижение числа респондентов, готовых оправдать аборт и, наоборот, увеличение числа опрошенных, оправдывающих развод. При этом число оправдывающих данные явления среди состоящих в браке снизилось больше. Сегодня российское общество по-разному оценивает важность семьи как социального института. Этот факт требует учета при разработке и реализации семейной политики.

³ *World Values Survey* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25.08.2014 № 1618-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d4ffd61a02c7a4b206.pdf> (дата обращения: 14.01.2021).

Особенности воспроизводства традиционных гендерных ролей

Рассмотрим три ситуации (вопросы анкеты), характеризующие трансформацию гендерных ролей в различных сферах жизнедеятельности (работа, политика, финансы) (табл. 1).

Таблица / Table

Динамика восприятия гендера, % / Dynamics of gender perception, %

Высказывание	Процент согласных с высказыванием	
	1995–1998 годы	2010–2014 годы
В ситуации нехватки рабочих мест мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины	49,0	29,1
В целом мужчины более эффективные политические лидеры, чем женщины	60,0	60,5
Если женщина зарабатывает больше, чем ее муж, это наверняка вызовет проблемы	41,7	23,9

Источник: составлено авторами по данным World Values Survey.

Анализируемые высказывания не просто репрезентируют разные сферы взаимодействия мужчин и женщин, они также отражают уровни пластичности гендерных границ в массовом сознании. Действительно, признать право женщины быть эффективным политическим лидером значительно сложнее, чем согласиться с ее правом претендовать на рабочее место или быть финансово успешной. Можно наблюдать постепенное размывание традиционных гендерных ролей. Количество положительных ответов, репрезентирующих консерватизм в восприятии гендера, снижается в начале XXI века. При этом мужчины значительно чаще демонстрируют консервативную позицию и традиционное восприятие гендерных ролей, чем женщины. Так, по результатам шестой волны (2010–2014 годы) исследования число женщин, не согласных с тем, что мужчины лучше подходят на роль политических лидеров, практически в два раза превышает число мужских ответов. Таким образом, констатируем, что трансформация гендерных ролей во многом происходит именно за счет женщин, расширения их репертуара социальных практик и выхода за рамки традиционных социальных структур. Отметим также, что количество «несогласных» значительно выше среди респондентов, не состоящих в зарегистрированном браке. Этот факт означает, что семейность сегодня по-прежнему конструируется государством и обществом как институт социального контроля и воспроизводства жестких гендерных ролей.

Ценностные ориентации, структурирующие близкие отношения

Обратимся к анализу тех качеств, которые, по мнению респондентов, необходимо развивать у своих детей. В исследовании участникам предлагалось выбрать из 10 характеристик те, которые им хотелось бы видеть в своих

детях. Для выявления латентной структуры ответов был использован факторный анализ⁵, который позволил определить три фактора, репрезентирующих разные стратегии воспитания.

Первая стратегия (первый фактор) – это индивидуалистическая модель воспитания и, соответственно, близких отношений и семейности. Ключевыми ценностями, которые необходимо формировать у детей являются: воображение, решительность и настойчивость, независимость. Это типичная модель современности, которая активно воспроизводится различными институтами социализации и характеризуется структуриацией новых форматов близких отношений и семейности, основанных на индивидуализме, «текучем» характере отношений, расширении репертуара социальных и интимных практик.

Вторая стратегия (второй фактор) – традиционная, коллективистская модель воспитания. Ее аксиологические основы лежат в патриархальной, подданнической политической культуре, базирующейся на приоритете ценностей сообщества над личными и семейными интересами. Стратегия превозносит следующие ценности: трудолюбие, ответственность, терпимость и уважение к другим людям, бережливость. Данная модель в России тесным образом связана с советскими ценностными артефактами, попытками увидеть в этом некий «золотой век» семейности.

Третья стратегия (третий фактор) – это модель религиозного воспитания, и, соответственно, семейности, в основе которой лежит идея сакральности близких отношений, их структуриация посредством конфессионального контекста. В данную группу ценностей попали: религиозность, бескорыстие, послушание.

При этом отметим, что вторая и третья модели во многом сходны, их различие скорее в идеологемах, которые закладываются в основу структурирования близких отношений, нежели в дискурсе и социальных практиках семейности.

Если говорить о распределении данных моделей семейности среди опрошенных россиян, то ценности первой выбрали 33 %, второй – 38 %, третьей – 29 %. Такое достаточно равное распределение свидетельствует о серьезном расслоении российского общества. Если говорить о двух последних моделях как проявлении консервативной тенденции, можно констатировать, что на дискурсивном уровне в российском обществе сегодня наблюдается определенный возврат к некоей «традиционной» модели семейности, в основе которой лежит идея нуклеарной семьи, с достаточно четким гендерным распределением социальных ролей. Это подтверждается результатами исследований российских социологов. Некоторые авторы говорят о «консервативной мобилизации» (Sherstneva, 2014), другие о «гендерном откате» (Temkina and Zdravomyslova, 2014), подразумевая возвращение к жестким гендерным структурам в семейных и близких отношениях. Несомненно, такая ситуация тесным образом связана с государственной политикой в области семьи, активной интеграцией государства и официальных церковных организаций.

⁵ Факторный анализ проводился методом главных компонент и методом вращения «варианс». Полученные факторы объясняют 79 % дисперсии.

Таким образом, в последние десятилетия в отдельных сегментах российского общества обозначился возврат к традиционным консервативным моделям близких отношений, по крайней мере на дискурсивном уровне.

В то же время, как показывает проведенный анализ, не все жители России разделяют указанные ценности. Трансформация близких отношений на ценностном и дискурсивном уровнях носит асинхронный характер. Мужчины и женщины по-разному оценивают важность тех или иных типов социального поведения, границы гендерных ролей в современном мире. Несомненно, это связано с тем, что под влиянием целого ряда больших вызовов поменялись повседневные жизненные практики пар. Подобная асинхронность становится серьезной проблемой, поскольку отсутствие единого образа близких отношений у мужчин и женщин ведет к большему числу разводов и разрывов отношений. Этот фактор никак не учитывается при разработке и реализации государственной семейной политики. Не учтенным остается и то обстоятельство, что в нашей стране формируется не только консервативный тип семейности и близких отношений.

Несмотря на явно проявленный «консервативный» возврат, сегодня мы можем наблюдать возникновение целого спектра новых форм близких отношений и семейности, которые хотя и находятся на периферии социального поведения россиян, тем не менее не могут быть проигнорированы.

Во-первых, развитие высокоскоростного интернета приводит к появлению новых форм знакомства и отношений. Так в частности, опросы *Pew Research Center* позволяют констатировать, что порядка 59 % опрошенных американцев считают онлайн знакомства хорошим способом познакомиться⁶. Среди россиян этот процент значительно ниже. В частности, опросы ВЦИОМ показали, что в 2020 году лишь 12 % респондентов считают такой вариант знакомства приемлемым, а 5 % заявляют, что находятся в отношениях, начавшихся со знакомства в интернете⁷.

Распространение виртуальных форм знакомств и образования пар существенным образом меняет институт брачного выбора. Непринудительная стратегия выбора брачного партнера становится в условиях развития информационных технологий всеобъемлющей и практически не ограниченной. Легкость создания, изменения и прерывания отношений в интернете переносится на реальную жизнь, освоенная в виртуальном пространстве ценностная модель становится частью повседневной жизни и способствует трансформации института семьи.

Во-вторых, возникновение однополых и трансгендерных пар. Хотя в российском нормативном поле, в отличие от целого ряда европейских государств, отсутствует возможность для регистрации однополых браков, а государственная семейная политика ориентирована на жесткое неприятие подобных отно-

⁶ Part 2: Dating apps and online dating sites [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2013. 21 окт. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/10/21/part-2-dating-apps-and-online-dating-sites/> (дата обращения: 08.02.2021).

⁷ ВЦИОМ: каждый второй россиянин предпочитает искать любовь в кругу друзей [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 14 фев. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7759177> (дата обращения: 12.02.2021).

шений, их существование в пространстве российского социума становится все более заметным. Так, например, исследование российских трансгендеров в возрасте от 15 до 25 лет свидетельствует о том, что 45 % из них планируют создание семьи (пусть и трансгендерной, но состоящей из двух родителей и детей) в будущем, 84 % активно выступают за легализацию однополых браков (Ушкова и Киреев, 2017, с. 92). Отметим, во-первых, наличие среди молодых россиян тех, кто определяет себя через призму трансгендерности, несмотря на жесткую стигматизацию этого явления в общественно-политическом дискурсе, во-вторых, тот факт, что эта категория молодых людей мыслит категориями классической нуклеарной семьи, пусть и однополый.

Сегодня мы наблюдаем активное информационное воздействие, объектом которого становится в первую очередь российская молодежь и российская семья. Одним из таких месседжей для молодого поколения является размывание гендерных границ, попытка придать гендеру политический смысл, форму протеста против косности и «серости» традиционных форматов семейности. В этом контексте особое значение приобретает государственная семейная политика, которая, с одной стороны, должна формировать ценности и модели поведения, способствующие сохранению и воспроизводству российского общества, с другой – гибко реагировать на обозначенные выше трансформации в сфере семейности. При этом институты, реализующие эту политику, должны использовать не только механизмы социального контроля дискурса и социальных практик, а использовать технологии, способные «перепрограммировать» деструктивные диспозиции и модели поведения в конструктивные.

Дискурс и практики государственной семейной политики

Трансформации института семьи становятся серьезным вызовом для государств. Попытки противодействовать им запретительными методами, усиливая механизмы социального контроля, нельзя рассматривать как эффективные. Атомизация современных обществ, широкое распространение интернета и социальных сетей, мгновенно делающих новые социальные практики и эксперименты общедоступными, требуют более гибких и адаптивных социальных технологий. С позиций управления необходимо балансировать между потребностью в воспроизводстве населения и теми социальными экспериментами с гендером, идентичностью, форматами отношений, которые сегодня захватывают весь мир. Недостаточно просто запретить гомосексуальные браки и убрать из официального дискурса эту тему, необходимо разработать целую систему социализации детей, подростков и молодежи, способную противостоять гибриднему информационному воздействию, формирующему подобный тип поведения.

В этом контексте возникает задача проанализировать основные дискурсивные и практические паттерны семейной политики в России, выделив те «узкие» места, которые не позволяют гибко и адаптивно реагировать на трансформационные процессы.

Для этого обратимся к основному документу, регламентирующему эту сферу – Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Концепция).

Семья в рамках Концепции рассматривается как фундаментальная основа российского общества, институт, способствующий его воспроизводству. При этом ключевым является понятие традиционных семейных ценностей, которые становятся приоритетом и целью реализации государственной семейной политики. Отметим, что сама по себе отнесенность к неким традициям и устоям прошлого зачастую является инструментом сохранения и развития того или иного общества. Достаточно посмотреть на азиатские культуры, где, несмотря на широкий спектр социальных инноваций, именно традиционные ценности лежат в основе развития этих стран. В то же время применительно к России содержание концепта традиционных ценностей не является очевидным. В рамках Концепции к традиционным семейным ценностям относятся: «ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»⁸. Очевидно, что государственная семейная политика в нашей стране носит пронаталистский характер (подобная ситуация складывается практически во всех постсоветских государствах (Стрельник, 2014)). Основу ее составляет модель «кокона безопасности» (Giddens, 1992), а главной задачей является повышение рождаемости. При этом такая модель семейности начала формироваться еще во второй половине XVIII века и глубоко инкорпорирована в советское и постсоветское семейное право (Muravyeva, 2013). Дефициты подобного подхода видятся в следующем.

Во-первых, он не учитывает особенностей трансформации института семьи. Не говоря о каких-то серьезных девиациях, мы можем констатировать, что число официально незарегистрированных союзов мужчины и женщины в нашей стране, если и не растет, то по крайней мере не становится меньше. При этом очевидно, что такие пары, даже воспитывающие детей и проживающие совместно длительное время, не могут рассматриваться, например, как объект социальной поддержки со стороны государства, поскольку не являются семьей в консервативно-традиционном понимании, что, в свою очередь, может вести к их социальному исключению. При этом определенная часть из них может не регистрировать свой брак, например, по религиозным мотивам. «Традиционность» таких семей (выше мы говорили, что порядка 30 % россиян разделяют сугубо религиозный взгляд на воспитание детей и семейность) не меньше, чем официально зарегистрированной гетеросексуальной пары. В данном случае мы видим жесткие социальные структуры, которые исключают из фокуса внимания государства подобные союзы и препятствуют воспроизводству российского общества. Это связано с ригидностью государственной политики, неспособностью отказаться от декларативного подхода, заменив его более утилитарным и прагматичным. Несомненно, Концепция

⁸ Концепция государственной семейной политики...

как документ не содержит жестких предписаний, это лишь рамка государственной политики, тем не менее представляется, что именно в этом документе должна быть заложена некоторая вариативность моделей семейности.

Во-вторых, развитие институт семьи обладает более широкой функциональностью, чем деторождение и воспитание детей. Семья – это и экономический институт, институт социальной поддержки для всех членов семьи. Попытка авторов Концепции свести семейность только к рождению и воспитанию детей представляется явно ограниченной. Развитие мирового сообщества (включая Россию) и наблюдаемые нами социальные тренды демонстрируют, что сегодня остается все меньше межпоколенных семей, проживающих совместно. В этой ситуации родители рано или поздно остаются одни в первую очередь в социальном и психологическом плане. С точки зрения анализируемого документа, такая семья пожилых перестает быть интересной государству. Более того, собственно забота о пожилых родителях перекладывается государством на других членов семьи. Так, в третьем разделе Концепции утверждается, что «роль семьи предусматривает ее активное участие в...обеспечении заботы о пожилых и нетрудоспособных членах семьи и создании условий для их долголетия»⁹. Подчеркнем, что такой подход вступает в противоречие с ключевыми трендами современности, с трансформациями жизненных стилей людей. Думается, что расширенное понимание семьи (не только как института пронатализма) могло бы существенно снизить напряженность целого спектра социальных проблем, в частности социального благополучия пожилых. В рамках предыдущего исследования мы отмечали, что чем старше становятся россияне, тем чаще они не чувствуют поддержки со стороны окружения. Так, если в возрасте 18–35 лет данный ответ встречается в 22,62 % случаев, в возрасте 36–50 лет – 26,7 %, то в возрасте 51–65 лет он составляет уже 50,68 %. Такая динамика показателя позволяет констатировать фактическое социальное исключение значительной части зрелых россиян (Смирнов, 2020, с. 40). Таким образом, институт семьи в России на сегодняшний день не является социальным механизмом поддержки и социальной интеграции для людей старшего поколения, при этом Концепция на дискурсивном уровне лишь усиливает эту тенденцию.

Обратимся к рассмотрению социальных механизмов, с помощью которых должна реализовываться государственная семейная политика. Выделим те, которые, на наш взгляд, учитывают ключевые социальные тренды современности.

Во-первых, это экономическая поддержка семьи, создание условий для повышения уровня благосостояния ее членов. Наиболее привлекательным в данном аспекте представляется поддержка развития семейного бизнеса, создание условий для расширения экономической устойчивости семьи. В частности, в плане мероприятий по реализации первого этапа Концепции¹⁰ предлагалось разработать механизмы поддержки бизнес-проектов,

⁹ Там же.

¹⁰ Об утверждении плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 09.04.2015 № 607-р. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/government/166> (дата обращения: 02.02.2021).

реализуемых семьями, имеющими детей. При этом очевидно, что многие семьи нуждаются в государственной поддержке своего бизнеса до рождения ребенка, чтобы сформировать необходимый капитал для расширения семьи. Тем не менее наличие данного пункта в плане является значимым, поскольку учитывает тренд на развитие бизнеса и самозанятости среди россиян. В то же время, если проанализировать, каким образом план реализовывался¹¹, то окажется, что деятельность в рамках данного направления носит формальный и бюрократический характер. Авторы отчета указывают, что механизмы поддержки бизнес-проектов, реализуемых семьями, имеющими детей, содержатся в других государственных программах и реализуются в их рамках. В данном случае мы сталкиваемся с ярким проявлением «рекурсивного социального программирования», когда одна программа ссылается на другую, та на третью и т.д. В конечном итоге становится невозможным определить, достигнуты ли целевые показатели конкретного нормативного правового документа или нет.

Во-вторых, развитие социальной инфраструктуры для работы с семьей со стороны государства и некоммерческого сектора. В данном случае наибольший интерес вызывает стремление государства передать часть функций по работе с семьей социально-ориентированным некоммерческим организациям (СО НКО). Действительно, следуя логике теории «провалов рынка» (Vecchetti et al., 2019), нужно исходить из того, что общественные институты значительно эффективнее должны реализовывать отдельные направления семейной политики. К сожалению, сегодня проектную деятельность российских некоммерческих организаций вряд ли можно назвать эффективной и ориентированной на достижение конкретных измеряемых результатов. Значительное число проектов СО НКО носят мероприятийный характер и не решают значимых социальных проблем (Смирнов, 2016). Недостаточным в этом направлении выглядит и активность государства в области вовлечения социального бизнеса в сферу образовательных, информационных услуг для современной российской семьи.

Наконец, создание и тиражирование позитивного контента, направленное на укрепление традиционных форматов семейности. Отметим, что в условиях гибридного информационного воздействия, единственный действенный инструмент информационного сдерживания – это разработка и тиражирования привлекательного для разных категорий россиян контента, способного формировать ценностные и поведенческие установки. В плане по реализации Концепции представлено несколько групп мероприятий, ориентированных на эту деятельность. Мы вряд ли сможем оценить их эффективность, но выдвинем относительно нее несколько предположений, опираясь на результаты собственных исследований.

¹¹ *Информация о ходе выполнения плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.04.2015 № 607-р [Электронный ресурс] // офиц. сайт М-ва труда и соц. защиты Рос. Федерации. 2019. 28 мая. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/1333> (дата обращения: 02.02.2021).*

Очевидно, что информационное воздействие на человека, результатом которого становится формирование дискурсивного и практического сознания, происходит по всем направлениям. Чаще всего наибольший эффект имеет латентное воздействие, завуалированное в более широком информационном контексте. Для демонстрации этого эффекта нами были изучены 300 аннотаций современных книг, в названии которых в том или ином контексте упоминалась семья. Аннотации были взяты с сайта магазина электронных книг *ЛитРес*¹². Для анализа использовался свободно распространяемый язык программирования *Python*, в частности библиотека *Word2vec*¹³. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что основу данного вида литературы составляет контент, тем или иным образом способствующий разрушению традиционных семейных ценностей (как они представлены в Концепции). Так, например, в связке с термином «семья» в 30 % случаев встречается термин «развод», в то же время «любовь» появляется рядом лишь в 18 % случаев. Наиболее часто встречающаяся пара для термина «муж» – это «измена» (почти 35 % случаев), появление «любви» в данном случае снижается до 14 %. Таким образом, современная массовая литература содержит далекие от идеала Концепции модели и практики поведения людей в близких отношениях. Если взглянуть на продукт российского массового кино, то там данная тенденция еще более выражена. Ни один российский сериал сегодня не обходит стороной тему измен и разводов. В этой связи представляется, что система официальной государственной пропаганды семейных ценностей является неэффективной, поскольку ежедневно среднестатистический россиянин получает огромный объем латентной информации, содержащей совсем другие ценностные модели поведения. Это, несомненно, дисфункция семейной политики российского государства, не учитывающего данную ситуацию и полагающего, что прямые информационные указания обладают серьезным воспитательным эффектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под воздействием глобальных угроз и больших вызовов институт семьи переживает целый спектр изменений. Те из них, что носят деструктивный характер, должны нивелироваться системной и продуманной государственной семейной политикой.

Однако проведенный анализ позволяет констатировать наличие целого спектра дисфункций семейной политики российского государства.

Самой серьезной из них, на наш взгляд, является ригидность дискурсивных и социальных практик, попытка игнорировать реальные изменения, которые переживают сегодня близкие отношения. Нормативный характер семейной политики не только не учитывает изменения жизненных стилей и практик людей, но и не позволяет создать действительно работающие социальные тех-

¹² *ЛитРес* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/?yclid=1417676080205563298> (дата обращения: 08.01.2021).

¹³ *Word2vec* 0.11.1 [Электронный ресурс]. URL: <https://pypi.org/project/word2vec/> (дата обращения: 08.01.2021).

нологии, способные противостоять деструктивному гибриднему информационному воздействию. Рассмотрение семьи как института, главной функцией которого является деторождение (пронатализм), приводит к потере целого спектра возможностей, которыми обладает этот институт, включая социальную поддержку, интеграцию, повышение уровня социального благополучия ее членов, сохранение профессиональной, социальной и гражданской активности.

Государственная семейная политика конструируется в достаточно простой бихевиориальной логике. Государственный дискурс относительно семьи, традиционных семейных ценностей и прочего транслируется в общество напрямую, в формате пропагандистских клише. На такой информационный стимул ожидается симметричный ответ, который в действительности не происходит, поскольку посыл теряется в огромном объеме другой информации, в большинстве своем ориентированной на разрушение этих самых традиционных ценностей. Решением подобной проблемы могло бы стать активное участие в семейной политике институтов гражданского общества. К сожалению, как показывают наши предыдущие исследования (Смирнов, 2016), современные российские некоммерческие организации не обладают достаточным потенциалом, чтобы в логике «провалов рынка» стать серьезным актором на этом рынке социальных услуг и технологий.

Наконец, семейная политика слабо интегрирована с другими направлениями государственной политики: отсутствуют единые методологические и методические подходы к развитию человека на протяжении всей его жизни. Одним из дисфункциональных проявлений этого является «рекурсивное» социальное программирование, ведущее к взаимным ссылкам одной государственной программы на другую.

Современная Россия нуждается в переосмыслении государственной семейной политики, поиску адекватных современности социальных технологий сохранения и развития семейности как ключевой ценности России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Костромского государственного университета на период 2020–2023 годы по теме «Близкие отношения и семья в жизненном пространстве современности: вызовы, совладание, ресурсы, развитие» (FZEW-2020-0005).

Библиографический список

- Акаев А. А., Акаева Б. А. Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений // Век глобализации. 2011. № 1. С. 44–66.
- Владимиров В. А. Современные угрозы человечеству и основные принципы и направления обеспечения безопасности на региональном уровне // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4, № 1. С. 626–642.

Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 193–200.

Иванов О. Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 20–36. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10066.

Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-4-19-24.

Кудрявцева Л. В., Бурлаченко М. А. Однополые браки как одна из коллизиионно-правовых проблем брака и семьи // Аллея Науки. 2018. Т. 3, № 9. С. 587–589.

Лафитский В. И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизации за выживание. М.: Проспект, 2021. 224 с.

Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

Романовская О. В. Конституция, либертарианский патернализм и приватизация брака // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 17–20. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-17-20.

Смирнов В. А. Проектная деятельность российских некоммерческих организаций: ключевые проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 62–69.

Смирнов В. А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 3. С. 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42.

Стрельник Е. А. Государственный неотрадиционализм и семейная политика в Украине // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 97–102.

Ушкова И. В., Киреев Е. Ю. Трансгендерность в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 82–96. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.05.

Шабров О. Ф. Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 2. С. 236–244. DOI: 10.21638/11701/spbu23.2019.205.

Шульга Р. Ю. Вопросы морали и нравственности в фокусе правового регулирования: российский и зарубежный контекст // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 12. С. 56–61. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-12-56-61.

Becchetti L., Bruni L., Zamagni S. The microeconomics of wellbeing and sustainability. Recasting the economic process. London; Oxford, San Diego, CA; Cambridge, MA: Academic Press, 2019. 480 p.

Giddens A. The transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies. London: Polity Press, 1992. 216 p. DOI: 10.2307/2075988.

Kaldewey D. The grand challenges discourse: Transforming identity work in science and science policy // Minerva. 2018. Vol. 56, № 2. P. 161–182. DOI: 10.1007/s11024-017-9332-2.

Mertens P., Barbian D. Researching “grand challenges” // *Business and Information Systems Engineering*. 2015. Vol. 57, № 6. P. 391–403. DOI: 10.1007/s12599-015-0405-1.

Muravyeva M. “A king in his own household”: Domestic discipline and family violence in early modern Europe reconsidered // *History of the Family*. 2013. Vol. 18, № 3. P. 227–237. DOI: 10.1080/1081602X.2013.817349.

Sherstneva N. Why are children’s rights so dangerous: Interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia // *Women’s history in Russia: (Re) visiting the field* / Ed. by M. Muravyeva, N. Novikova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 193–216.

Temkina A., Zdravomyslova E. Gender’s crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62, № 2. P. 253–270. DOI: 10.1177/0011392113515566.

Ulnicane I. “Grand challenges” concept: A return of the “big ideas” in science, technology and innovation policy? // *International Journal of Foresight and Innovation Policy*. 2016. Vol. 11? № 1/2/3. P. 5–21. DOI: 10.1504/IJFIP.2016.078378.

Информация об авторах

Смирнов Владимир Алексеевич – д-р социол. наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

ORCID: 0000-0003-1228-9318

ResearcherID: V-1007-2019

Электронный адрес: kano_igt@mail.ru

Груздев Владислав Владимирович – д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

ORCID: 0000-0001-6315-8399

ResearcherID: –

Электронный адрес: vgruzdev@ksu.edu.ru

Статья получена 11 февраля 2021 года

UDC 316.334.3

DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88

FAMILY POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE FACE OF GRAND CHALLENGES: MAIN PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Vladimir A. Smirnov

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky str., Kostroma,
156005, Russia

ORCID: 0000-0003-1228-9318

ResearcherID: V-1007-2019

E-mail: kano_igt@mail.ru

Vladislav V. Gruzdev

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky str., Kostroma,
156005, Russia

ORCID: 0000-0001-6315-8399

ResearcherID: –

E-mail: vgruzdev@ksu.edu.ru

For citation:

Smirnov, V. A. and Gruzdev, V. V. (2021), “Family policy of the Russian state in the face of grand challenges: Main problems and contradiction”, *Ars Administrandi*, vol. 13, no. 1, pp. 71–88, doi: 10.17072/2218-9173-2021-1-71-88.

Introduction: one of the most important great challenges is the demographic transition which brings about changes in people's life styles, aging of the population and the expansion of various kinds of social, sometimes rather destructive, experiments. This, in turn, requires adequate actions on the part of the state, development of an effective social policy that can offset the effects of major challenges, as well as destructive hybrid influences both within the country and from outside.

Objectives: to identify the main problems and contradictions of the state family policy in Russia, to assess its adequacy against the trends in modern societies development.

Methods: formal-logical, comparative, secondary data analysis, content analysis.

Results: a number of directions in transformation of family life and their manifestations in Russia have been identified; main discursive and practical aspects of the state family policy have been analyzed as well as its key dysfunctions.

Conclusions: family resilience as a social institution has not changed significantly over the past 20 years. However, the number of Russians who are ready to justify abortion is declining, and, conversely, the number of those who are ready to justify divorce is increasing. The family today is still constructed as an institution of social control and reproduction of rigid gender roles. Moreover, in recent decades, certain strata of Russian society have returned to traditional conservative models of close relationships.

State family policy is unable to neutralize the negative consequences of grand challenges and needs to be rethought. Its key dysfunction is the rigidity of discursive and social practices, ignorance of the real changes that are taking place in close relationships today. In addition, family policy is poorly integrated with other areas of state policy: there are no uniform methodological approaches to lifelong human development.

Keywords: family institution; state family policy; dysfunctions; grand challenges

ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded through the Russian Ministry of Science and Higher Education state target to Kostroma State University for 2020–2023

(topic FZEW-2020-0005: “Close relationships and family in the modern living space: Challenges, coping, resources, development”).

References

- Akaev, A. A. and Akaeva, B. A. (2011), “Challenges of the global demographic transition and the urgency of strategic decisions”, *Age of globalization*, no. 1, pp. 44–66.
- Vladimirov, V. A. (2014), “Modern threats to humanity and the main principles and directions of ensuring security at the regional level”, *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya*, vol. 4, no. 1, pp. 626–642.
- Galkina, E. P. and Kadnichanskaya, M. I. (2015), “Transformation of the institution of family in today’s modernization process”, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, no. 3, pp. 193–200.
- Ivanov, O. B. (2019), “Modern world: Global trends, challenges and threats”, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 1, pp. 20–36, doi: 10.24411/2071-6435-2019-10066.
- Krashennnikov, P. V. and Badulina, E. V. (2020), “The support of the family institute: Constitutional amendments”, *Family and Housing Law*, no. 4, pp. 19–24, doi: 10.18572/1999-477X-2020-4-19-24.
- Kudryavtseva, L. V. and Burlachenko, M. A. (2018), “Same-sex marriage as one of the conflict-of-laws problems of marriage and family”, *Alleya nauki*, vol.3, no. 9, pp. 587–589.
- Lafitsky, V. I. (2021), *Konstitutsionnye tsennosti sem’i v bor’be tsivilizatsii za vyzhivanie* [Constitutional values of the family in the struggle of civilizations for survival], Prospekt, Moscow, Russia.
- Merton, R. (2009), “The unanticipated consequences of purposive social action”, *Sociological journal*, no. 2, pp. 5–17.
- Romanovskaya, O. V. (2020), “Constitution, libertarian paternalism and the privatization of marriage”, *Constitutional and Municipal Law*, no. 7, pp. 17–20, doi: 10.18572/1812-3767-2020-7-17-20.
- Smirnov, V. A. (2016), “Project activity of Russian non-profit organizations: Key problems and contradictions”, *Sociological research*, № 2, pp. 62–69.
- Smirnov, V. A. (2020), “Factors of social well-being of the inhabitants of the Russian province”, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 26, no. 3, pp. 24–42, doi: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42.
- Strelnik, E. A. (2014), “Public neo-traditionalism and family policies in Ukraine”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no. 9, pp. 97–102.
- Ushkova, I. V. and Kireev, E. Yu. (2017), “Transgenderism in modern Russian society”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 2, pp. 82–96, doi: 10.14515/monitoring.2017.2.05.
- Shabrov, O. F. (2019), “Global political management factors: New opportunities and new risks”, *Political Expertise: POLITEX*, vol. 15, no. 2, pp. 236–244, doi:10.21638/11701/spbu23.2019.205.
- Shulga, R. Yu. (2019), “Issues of morality and ethics in the focus of legal regulation: The Russian and foreign context”, *State Power and Local Self-government*, no. 12, pp. 56–61, doi: 10.18572/1813-1247-2019-12-56-61.

Becchetti, L., Bruni, L. and Zamagni, S. (2019), *The microeconomics of wellbeing and sustainability. Recasting the economic process*, Academic Press, L., Oxford, UK, San Diego, CA, Cambridge, MA, US.

Giddens, A. (1992), *The transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies*, Polity Press, L., UK, doi: 10.2307/2075988.

Kaldewey, D. (2018), "The grand challenges discourse: Transforming identity work in science and science policy", *Minerva*, vol. 56, no. 2, pp. 161–182, doi: 10.1007/s11024-017-9332-2.

Mertens, P. and Barbian, D. (2015), "Researching "grand challenges", *Business and Information Systems Engineering*, vol. 57, no. 6, pp. 391–403, doi: 10.1007/s12599-015-0405-1.

Muravyeva, M. (2013), "A king in his own household": domestic discipline and family violence in early modern Europe reconsidered", *History of the Family*, vol. 18, no. 3, pp. 227–237, doi: 10.1080/1081602X.2013.817349.

Sherstneva, N. (2014), "Why are children's rights so dangerous: Interpreting juvenile justice in the light of conservative mobilization in contemporary Russia", in Muravyeva, M. and Novikova, N. (eds.), *Women's history in Russia: (Re) visiting the field*, Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, UK, pp. 193–216.

Temkina, A. and Zdravomyslova, E. (2014), "Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy", *Current Sociology*, vol. 62, no. 2, pp. 253–270, doi: 10.1177/0011392113515566.

Ulnicane, I. (2016), "Grand challenges" concept: A return of the "big ideas" in science, technology and innovation policy?", *International Journal of Foresight and Innovation Policy*, vol. 11, no. 1/2/3, pp. 5–21, doi: 10.1504/IJFIP.2016.078378.

Received February 11, 2021